

Характерна в этом отношении недавно вышедшая книга З. С. Паперного [4], демонстрирующая неисчерпаемость смысла многократно исследованных произведений писателя. Важную роль в возрождении такой традиции, несомненно, сыграли давние работы С. Д. Балухатого [5, 6] — образцы скрупулезного драматургического анализа, а также классические исследования А. П. Скафтымова [7] и Н. Я. Берковского [8], где, казалось бы, «частные» замечания по поводу чеховских пьес ненавязчиво, без какого-либо самодовлеющего концептуального нажима создавали объемную картину «общих» закономерностей чеховской драматургии.

Значимость такого подхода очевидна для истолкования каждой из пьес Чехова. Обратимся в данной статье к «Трем сестрам», центральный мотив которых — поиски смысла жизни — прерывается, трансформируется и комментируется множеством подспудных лейтмотивов. Пьеса разворачивается как мощное многоголосье, где эти лейтмотивы представляют собой смысловые версии, которые герои высказывают в *процессе обсуждения* главного вопроса. В «Трех сестрах» пять пудов разговоров, как в «Чайке» «пять пудов любви».

Рассмотрим, каким образом через один из таких элементов поэтической структуры «Трех сестер» — вопрос-лейтмотив «говорить — молчать» — происходит поиск так до конца не раскрывающегося смысла жизни героев. Ибо переживание рассыпающихся основ их реального существования связано с их стремлением зафиксировать память о жизни, как она есть. Оставить, запечатлеть ее в слове — в тех бумагах, книгах, блокнотах и записных книжках, которые, видимо, до некоторой степени замещают персонажам ощущение жизни, какой она могла бы быть.

Сюжет «Трех сестер» как бы растворен в словах, отчего, быть может, и возникает иллюзия бездействия в пьесе. В ней постоянно подчеркивается серьезность и одновременно несерьезность слов. За «разговорами», как скажет Маша, есть нечто, уходящее в «молчание». Недоверие к слову и потребность причаститься ему, услышать и поверить в сказанное или написанное, удостоверить свои мысли словами другого мучительно гнетет персонажей «Трех сестер».

На протяжении пьесы они постоянно задают вопрос: «о чем думаешь?» Всех волнует: «зачем живем, зачем страдаем», — то, что с первого до последнего акта становится пружиной сценического развития и параллельно главной темой обсуждения, прямых ответов и ответов невыход. Герои сами осознают, что в словах словно затуманивается, затухает и вновь оживает внутреннее действие. Слова часто скомпрометированы, пустотелы. «Буду теперь, — говорит Маша, признавшись сестрам, — как тоголевский сумасшедший... молчание... молчание...»

Усилия проникнуть в жизнь души и создают в пьесе то смысловое напряжение, когда реальность и иллюзия, движение и неподвижность, слитые воедино, оказываются почти не отличимы друг от друга. «О л ь г а. У меня постоянно болит голова и такие мысли, точно я уже состарилась». Множественность мыслей — о прошлом и будущем, о любви и разочарованиях, о надеждах и смерти — словно замещает остроту конкретных коллизий сюжета. Или же создает еще один, более значимый для героев пласт переживаний, который столь же связан с событиями их жизни, сколь и независим от них. Вот почему эта едва ли не самая бытовая чеховская пьеса строится на разрывах действия, перебоях тона, особой символической насыщенности эпизодов.

Сюжет «Трех сестер» во многом ведется через *рассказы* о происходящем. При этом за разговорами остается нечто, высказыванию не поддающееся или во всяком случае ими не исчерпывающееся, чреватое неожиданностями, поворотами судьбы или ее же монотонностью. «М а ш а. Так вот целый день говорят, говорят... Живешь в таком климате, того гляди снег пойдет, а тут еще эти разговоры...» Разговоры, равно бессмысленные и выстраданные — «высокие» или вздорные.